

К 84

А 52

КОНСТАНТИН
АЛТАЙСКИЙ

Казахстан МОЙ

Алма-Ата

К 84
D2
452

К. АЛТАЙСКИЙ

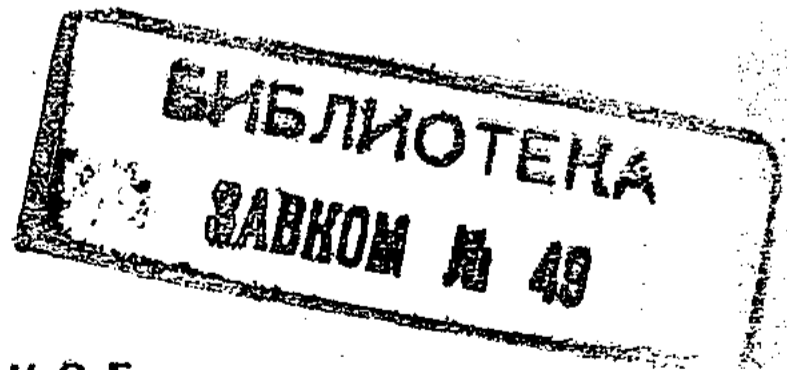
Казанстан МОЙ

~~31846 + D2~~
31815
D2

СТИХИ

В 60

СМ
уфв

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Художественной Литературы

АЛМА-АТА • 1958

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Казахстан мой...» — так назвал свою новую книгу стихов поэт Константин Алтайский. И он имеет на это неоспоримое право.

Живя в Москве, Константин Алтайский вот уже более двух десятилетий творчески связан с Казахстаном, много раз приезжал сюда и может быть назван с полным основанием другом казахского народа и его поэзии.

В числе первых в тридцатых годах он переводил на русский язык стихи Сейфуллина, Джансугурова, Жарокова, Турманжанова, Орманова и других казахских поэтов. В последующие годы к этим именам можно прибавить Токмагамбетова, Бекхожина, Мауленова.

Много труда и подлинного вдохновения отдал Алтайский делу перевода на русский язык поэзии Джамбула и пропаганде ее за пределами Казахстана. Он организовал и вместе с Павлом Кузнецовым перевел на русский язык две первые книги Джамбула «Песни и поэмы» (1937 г.) и «Путешествие на Кавказ» (1938 г.), явившиеся, как известно, большим событием в поэтической жизни всего Советского Союза. Зазвучавшая по-русски поэзия Джамбула была потом переведена на десятки языков в нашей стране и за ее рубежами.

Константин Алтайский записал и перевел на русский язык автобиографию Джамбула, которая под названием «Жизнь акына» вошла потом во все школьные хрестоматии. Перу Алтайского принадлежат также первые критико-биографические статьи о Джамбуле в «Правде», «Известиях», «Литературной газете», «Новом мире», «Литературном критике», «Народном творчестве» и других журналах и газетах Москвы.

Покойный Джамбул высоко оценивал работу Алтайского, неизменно называя его «моим Алтаем». Переводы песен и поэм Джамбула, осуществленные Алтайским, выдержали испытание временем и теперь, спустя двадцать лет, они снова включаются в собрание

сочинений Джамбула, подготовленное институтом языка и литературы Академии наук Казахстана. Здесь уместно будет сказать, что поэт Алтайский, принявший активное участие в организации и проведении первой декады казахской литературы и искусства весной 1936 года, с неменьшей энергией и воодушевлением принял участие в подготовке третьей декады казахской литературы и искусства, намеченной на весну 1958 года. С присущей ему любовью к казахской поэзии, он осуществляет новые переводы на русский язык стихов и поэм Джамбула Джабаева, Ильяса Джансугурова, Кажима Джумалиева, Абдильды Тажибаева, Утебая Турманжанова; под его редакцией выходит однотомник произведений народных казахских акынов. Образцы старых и новых переводов Алтайского очень уместно включены в последний раздел книги «Казахстан мой».

В последней книге стихов Константина Алтайского «После грозы», вышедшей в Москве в 1957 году, есть целый раздел, названный «Из Казахстанской тетради» и посвященный Казахстану, прекрасной его природе, его людям. Поэт с любовью и восхищением пишет о стране, которая стала его второй родиной:

Я стою на горе. Казахстан подо мной.
Я смотрю, напрягая вниманье и зренье,
И не в силах я скрыть своего изумленья
Перед этой суровой могучей страной.

С сыновней любовью рисует он казахстанские ледники и порожистые реки, горные луга, необъятные степи, яблонную Алма-Ату и своих друзей казахов:

Не кочевники, нет! Металлурги, ткачи,
Горняки, академики и хлопководы...
Целина им покорна, и недра, и воды,
И машины. Их Ленин так жить научил.

С большим проникновением живописует он патриархальный дуб в Алма-Ате, который роняет листья, как мудрый календарь эпохи, изумрудное озеро Иссык, Хан-Тенгри, где зарождаются облака, море-озеро Балхаш, покрытые тюльпанами степи.

Не повторяя предыдущую книгу, новая книга стихов Константина Алтайского целиком посвящена Казахстану и его людям. Любое из стихотворений, включенное в эту книгу, будь то «Москва—Алма-Ата», или «Первый сталевар Республики», или «На стыке Киргизии и Казахстана», утверждают и раскрывают тему неруши-

мой дружбы русского и казахского народов, единство их интересов, взаимовлияние их культур.

В стихотворении «Москва — Алма-Ата» (опубликованном на казахском языке в отличном переводе Таира Жарокова) есть такие слова:

У Москвы моей с Алма-Атою
Дружба неизменная жива.
Старшею и младшею сестрою
Их зовет стоустая молва.
Ленинской могучею идеей,
Мыслями, работою, мечтой,
С каждым годом крепче и теснее
Связаны Москва с Алма-Атой.

В стихотворении «Во поле березонька стояла» взволнованно рассказано, как белогвардейцы расстреляли под березой двадцать восемь питерских рабочих, посланных лично В. И. Лениным в Казахстан, чтобы помочь казахским беднякам утвердить советский справедливый строй. Когда смерть вырвала из наших рядов «соловья Казахстана» народную артистку СССР Куляш Байсеитову, Алтайский, разделяя нашу общенациональную утрату, с болью сердца отозвался на ее кончину стихотворением «Соловей». Слыша соловьиное пенье, поэт говорит:

Ты Куляш Байсеитову вспомнишь. О ней
Неспроста говорят уже многие годы
В городах и аулах казахских степей,
Что в ее то печальном, то радостном пенье
Потому каждый слушал ее, не дыша,
Что в ее то печальном, то радостном пенье
До глубин раскрывалась народа душа
В самом чистом и светлом ее проявлении.

Общеизвестно могучее влияние русской и советской литературы на литературу казахскую. Но будет закономерностью отметить, что выросшая, достигшая зрелости казахская литература не только испытывает влияния, но и сама стала влиять на другие литературы, вплетая свой неповторимый голос в многоязыкий хор народов Советского Союза.

В критике уже высказывались наблюдения об освежающем и обогащающем влиянии на отдельных русских поэтов иноязыкой поэзии тех народов, с которыми поэты были творчески связаны. Так,

например, на «Думу про Опанаса» Эдуарда Багрицкого или на общеизвестную песню «И кто его знает» Михаила Исаковского заметное влияние оказала украинская поэзия. Бесспорно благотворное влияние грузинской поэзии на «Стихи о Кахетии» Николая Тихонова, туркменской поэзии на «Большевиком пустыни и весны» Владимира Луговского, азербайджанской поэзии на книгу стихов «Власть» Аделиды Адалис. Число таких примеров можно увеличить.

Всякий, кто прочтет книгу стихов Константина Алтайского «Казахстан мой», убедится, что такую книгу нельзя было написать, не зная Казахстана и его поэзии, оказавшей в данном случае глубокое, благородное влияние.

Краски, образный строй, интонации, ритмика — во всем чувствуется близость автора к лучшим образцам казахской поэзии. Некоторые стихи Алтайского так насыщены казахским национальным колоритом, так органически и естественно раскрывают казахскую тематику, что порой кажутся хорошими переводами с казахского языка. Так, например, описывая знатного казахского пастуха, поэт употребляет традиционную для казахского стихосложения рифмовку и тем самым усиливает национальный колорит:

А Даулет Досжанов прост,
Встал у костра он в полный рост
И держит на руках ягненка
Под небом, полным крупных звезд.

Чабан и в звездах неба рад
Узнать пасущихся ягнят.
На Млечный Путь в час водопоя
Они, должно быть, там спешат.

В стихах русского поэта мы встречаем то «жемчужно-серый бархан», то «весь корявый перевитой саксаул», то «красавца бурых круч — архара», то «душистый до головокруженья кумыс», то, наконец, «сабельный звон женихов Кыз-Жибек». И все это не вызывает подозрений в стилизации, в «экзотике», в искусственности. Нет, поэт так любит и так знает Казахстан, что иначе он не может вести душевную беседу со своим читателем. Хочется выразить надежду, что и другие русские поэты — Илья Сельвинский, Николай Сидоренко, Александр Гатов, давшие согласие выпустить книги на казахской тематике, столь же любовно и, мы бы сказали, самоотверженно, как Константин Алтайский, отдадут свое вдохновение и мастерство полюбившейся им нашей Республике.

Книга Алтайского «Казахстан мой» — явление примечательное, дающее повод для размышлений и теоретических выводов. Любой поэт, приобщающийся к иноязычной поэзии братского народа, неизменно обновляет свой жизненный опыт, расширяет границы вторжения в жизнь, совершенствует мастерство, делает более многокрасочной свою палитру. Отдавая, он получает, обогащая, он обогащается — такова закономерность культурных связей.

Выступая перед писателями и работниками искусств, Н. С. Хрущев сделал такое своевременное замечание: «Надо прямо сказать, что мы по-настоящему еще ярко не показали те великие исторические преобразования, которые произошли в жизни народов наших республик за годы Советской власти. И в этом отношении наши работники и литературы и искусства в большом долгу перед народом. Хочется посоветовать литераторам и художникам, чтобы они попристальней вгляделись и поглубже вникли в жизнь всех национальностей нашей страны».

Книга Константина Алтайского «Казахстан мой» своевременная попытка «попристальней вглядеться и поглубже вникнуть» в многогранную жизнь одной из могучих республик нашего многонационального Советского Союза, попытка тем более закономерная, что она предпринята человеком, беззаветно любящим страну, которой он от чистого сердца посвящает свои воодушевленные строки.

Мухамеджан Каратаев

Вере Петровне Алтайской

ПЕРЕД ПОРТРЕТОМ ЛЕНИНА

Несутся годы. Уже сорок лет
Как власть в России перешла к Советам,
Я всматриваюсь в ленинский портрет,
Весь залитый осенним чистым светом.

Небес алма-атинских бирюза
По-новому в портрете повернула
Его чуть азиатские глаза,
Покатость лба, в загаре легком скулы.

Замечено давно, что на холсте
Ильич любовью озарен, как солнцем,
Казахом выглядит в Алма-Ате,
В Уфе — башкиром,
В Таллине — эстонцем.

Везде народ, признав его отцом,
Сердечной окружает теплотою
И наделяет собственным лицом
С улыбкой задушевной и простою.

Где жизнь — там он. И пусть, глаза смежив,
Он недвижим в гранитном мавзолее,
В народе Ленин повседневно жив,
И с каждым годом жизнь его полнее.

Вглядись в его знакомые черты —
Не реквием, не залп в час похоронный,
Не проб в цветах с волнением вспомнишь ты,
А пром «Авроры» и среди темноты
На штурм дворца идущие колонны.

Балтиец, пехотинец-фронтовик,
Путиловец — вот из народной гущи
Ученики его. И он велик,
Учитель их. В деяньях, в грудях книг
Жив Ленин в настоящем и в грядущем!

Он Партию по крохам собирал.
Из «Искры» возгорелось наше пламя.
Он с нами шел и с нами поднимал
Трех революций боевое знамя.

И с нами создал справедливый строй,
Который только снился нашим дедам.
У нас не бог, не царь и не герой,
А Партия ведет народ к победам.

Многоплеменная Россия в сорок лет
Во всем неузнаваемая стала, —
Потемки разогнал электросвет,
И равной ей теперь в Европе нет
Обильем хлеба, нефти и металла.

Дыханьем свежей ленинской весны
Охвачен мир. И жизнь пошла иная
На побережьях Вислы и Янцзы,
Марицы, Халхин-Гола и Дуная.

За мир стоим мы. Тайны в этом нет.
В Париже знают, в Токио, в Каире,

Что самый первый ленинский декрет
Был вестью о всесветном, братском мире.

Войною нам не первый год грозят.
И мы, храня достоинство, сказали,
Что мощный баллистический снаряд
У них — в мечте, у нас же — в арсенале.

Мы — ленинцы. И осеняет нас
Его, в боях простреленное, знамя.
Мы знаем — каждый день и каждый час,
Всегда бессмертный Ленин рядом с нами.

Он на XX Съезде вдохновлял
Суровость, страстность наших выступлений.
Когда ж в Кремле поднялся с гимном зал,
Казалось нам, «Интернационал»
Со всеми нами пел товарищ Ленин.

МОСКВА — АЛМА-АТА

Я живу в Москве, но не устану
День за днем вынашивать мечту,
Что поеду я по Казахстану,
Посещу опять Алма-Ату,
Обниму друзей своих давнишних,
Вслушаюсь в журчание воды
И увижу в яблонях и вишнях
Милые тенистые сады.
Этот город, где вершин прохлада
Умеряет азиатский зной,
Неспроста приковывает взгляды
Зеленью и улиц прямизной.
Если весь его окинешь взором,
Может закружиться голова.
Есть такие улицы, которым
Вправе позавидовать Москва.
У Москвы моей с Алма-Атою
Дружба неизменная жива.
Старшею и младшею сестрою
Их зовет стоустая молва.
Ленинской могучею идеей,
Мыслями,
Работою,
Мечтой

С каждым годом крепче и теснее
Связаны Москва с Алма-Атой.
Любо мне друзей-казахов встретить
И, смотря на яблонный рассвет,
Расспросить их,
Самому ответить,
Сердце обновить в часы бесед.
Любо слышать агронома слово,
Как хлеба на целине взялись,
С рыбаками обсудить уловы,
С пастухами пить степной кумыс.
И согреют сердце мне простою
Речью у шахтерского копра,
Что моя Москва с Алма-Атою
Старшая и младшая сестра.

КАЗАХСКИЕ МОТИВЫ

I

Шалфей, полынь,
Прожилки руд
В обвалах первозданных кряжей...
Тысячелетья шел верблюду,
Покачиваясь под поклажей.
Здесь пел песок — запела сталь.
Строителям дорог — спасибо!
Легла в пустыне магистраль,
И мчатся поезда Турксиба.

II

Прощай. Дорога не близка
Тебе, питомцу Казахстана.
Возьми с собою горсть песка
С жемчужиной серого бархана.
И, если в дальней стороне
Приснешься ты,
Тоской томимый,
Песок прошепчет в тишине
Тебе о Родине любимой.

III

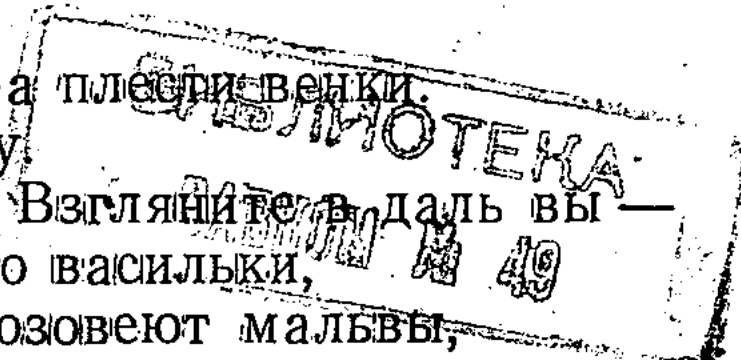
Ты видишь этот натюрморт?
На тонкой вазе в цвет граната
В загаре пурпурном апорт.
Ему б немного аромата!
А за окном осенний сад,
И он струит для натюрморта
Чуть вятный винный аромат
Алма-атинского апорта.

IV

Чтобы узнать источник воды,
Взбирайся в серебристой грани
На вечные снега и льды
Отрогов дикого Тянь-Шаня.
И пусть откос отвесно крут,—
Туда взойдешь,
Идя до следу,
Где горы с вечностью ведут
Неторопливую беседу.

V

Пришла пора плести венки.
Луга в цвету.
Взгляните в даль вы —
Синеют густо васильки,
Рассветно розовеют мальвы,
В цвету ромашки, порицвет...
Но ни цветка рука не тронет.
Влюбленный,
Я боюсь примет —
Сплету венок, а он утонет.

VI

Саксаул серовато-грязен,
Весь корявый, перевитой.
Он для глаза своеобразен
Безобразьем — не красотой.
Если есть растения на Марсе
• Вероятно,
они не серей
Саксаула в песчаном царстве.
Он как бивни древних зверей.

VII

Предания о древних эрах
Хранишь ты,
желто-серый лес,
А в темных норах и пещерах
Ты приютил стрижей и ос.
Они гнездятся и роются,
А складки леса говорят,
Что вот уже столетий двадцать
Наш Казахстан Китаю брат.

VIII

Богаты недра Казахстана,
Нельзя сокровищ перечесть.
От руд железных до урана
Все в сокровенных кладах есть.
И мы откроем эти клады
В ущельях гор,
у мутных рек,
Чтобы, смиряя водопады,
Жил все богаче человек.

IX

Ты скоро б вымер сам собою,
Красавец бурых круч — архар,
Но породнился ты с овцою
И стал отцом больших отар.
Теперь ты на тысячелетья
Продлил, архар,
 свой долгий век.
И даровал тебе бессмертье
Вчерашний враг твой — человек.

X

С крутою шеей, гибок, строен,
Оттенка ворона, скакун.
Тебе бы в тон — в кольчуге воин,
Да перья стрел,
 да пенье струн...
А ты глядишь с прустцою умной,
Забыв степных своих кобыл,
Как по асфальту мчит бесшумно,
Блистая черным лаком, «ЗИЛ».

XI

Кумыс июньского цветенья,
Ты выше всякой похвалы!
Душист до головокруженья,
Ты просишься из пиалы
В горячее,
 сухое горло.
Ты освежишь и опьянишь,
Чтоб шире крылья распростерла
Над степью золотая тишь.

ХII

Зашуршала пшеница высокая шелком.

Посмотри! Нет ей края и нет ей конца.

И в любом колоске, от усов своих колком,

Зерна спеют — и все тяжелее свинца.

Дешевей же, лепешка и хлеб наш подовый,

Ты, лапша с макаронами, не дорожай!

Изобилье несет миллиардопудовый

С целины Казахстанской большой урожай!

НА СТЫКЕ КИРГИЗИИ И КАЗАХСТАНА

Три тысячи метров над уровнем моря
Достигли мы, с ветром все утро проспоря.
Стоим на пустынном и диком просторе.

Белеют вершины в снегу и покое.
От нас до вершин расстояние такое,
Что, кажется, можно их тронуть рукою.

Здесь воздух весь день охлажден ледниками,
Он, как молоко, пополам с облаками.
Мы пьем его жадно большими глотками.

Орлы тут в утесах привыкли гнездиться.
Смотри, как, нахозясь, сереет орлица,
Когтистая и остроклювая птица.

Ребристые скалы как кости чудовищ.
И ты, размышляя, на том себя ловишь,
Что ищешь следы неоткрытых сокровищ.

Овечьей отарой пасутся туманы.
Темнеет здесь поздно, светает здесь рано —
На стыке Киргизии и Казахстана.

Дорога в горах не подарок аллаха,
Пробита она в бурных кряжах без страха
Киргизским кайлом и киркою казаха.

Вокруг все не буднично, необычайно —
И пропасть бездонна, и небо бескрайно,
И дремлет веками хранимая тайна.

Но мы эту древнюю тайну откроем,
И клады несметных сокровищ отроем,
И мост кружевной над ущельем построим.

Пройдет этой облачною высотой,
Такою прозрачной, такой золотою,
Дорога меж Фрунзе и Алма-Атою.

И вырастет в небо, где ветер лишь рыскал,
На стыке казахской земли и киргизской
В честь дружбы народов — гранитobelиска.

ВО ПОЛЕ БЕРЕЗОНЬКА СТОЯЛА...

Недалеко от Серебрянки,
Над светлой зеленью ракит
И лугом, где цветут саранки,
Береза белая стоит.

Близ елей, выросших в распадах,
Где дикий хмель и рыхлый хвощ,
Она тут, словно делегатка
От ленинградских свежих рощ.

• Еще заметишь: не напрасно,
Будь то ли осень, то ль весна,
Березонька и утром ясным
Стоит всегда грустным-грустна.

• Спроси ее, раздвинув лозы,
Ее заметив красоту:
«Ты почему простишь, береза,
Когда вокруг земля в цвету?».

Береза зашумит листвою,
Ответит. Ты же замолчишь.
И с обнаженной головою
У той березы постоишь.

...Лишь отпремел Октябрь. И Ленин
Смотрел в немерянную ширь —
На прибалхашские селенья,
На Прииртышь, на Сибирь.

Советский строй в стране был молод.
Народ за счастье вел борьбу.
Нас ела вошь. Душил нас голод,
И хлеб решал в те дни судьбу.

И самых лучших, самых честных
Рабочих Ленин выбирал
И в глубь России повсеместно
За хлебом спешно посылал.

И двадцать восемь петроградцев
Прислал к нам Ленин в трудный год.
Пришлось им с белыми сражаться
И отбирать у баев скот,

Пришлось им выбирать Советы,
В степи коммуны создавать,
Бороться с кулачем, при этом
Зерно в столицу отпружать.

Шли с правдой Ленина по селам
Они на лютном холоду
В том восемнадцатом тяжелом
И героическом году.

Засев в засаду у амбаров,
В селе богатом, у реки,
Всех петроградских коммунаров
В плен захватили кулаки.

Связали их, а утром рано,
Когда в селе петух запел,
Белогвардейцу-атаману
Препроводили на расстрел.

Свели к березоньке кудрявой,
Как утро, свежей, молодой,
Не на допрос, а на расправу,
Не на расстрел, а на убой...

У атамана две собаки,
На ножнах сабли кровь и грязь.
Один из питерцев — Грибакин —
Сказал, к березе обратясь:

«Нас порешат сейчас злодеи.
Ты Ильичу сказать должна —
За торжество его идеи
Смерть человеку не страшна.

Из чужеземных пистолетов
Нас, связанных, легко убить,
Но власть народа, власть Советов
Жила, живет и будет жить!»

Все двадцать восемь обреченных
Запели, не склонив голов:
«Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!»

Но, камни обратив в багрянцы,
Залп оборвал короткий век, —
Упали Ленина посланцы,
Все двадцать восемь человек.

И, осуждая это дело
Со всей суровой прямою,
Береза прозно зашумела
Своей разгневанной листвою.

И атаман — он был в угаре —
Под непристойную хулу
Со злобой шашкою ударил
Березу по ее стволу.

И сразу отошел, шатаясь,
С тупою болью в голове.
И сок березы тек, мешаясь
Со свежей кровью на траве.

Береза та, с надрубом старым,
Поньше над семьей раки
Живым надрубом коммунарам
Стоит и листьями шумит.